

РУССКАЯ ЛИТЕРАТУРА В ЭСТОНСКОЙ ШКОЛЕ СОВЕТСКОГО ПЕРИОДА: ГРАНИЦЫ ИДЕОЛОГИИ

АННА ВЕСЕЛКО

Исследованию механизмов влияния идеологии на жизнь людей в СССР посвящены многочисленные труды (см., например, М. Геллер «Машина и винтики: история формирования советского человека» [Геллер], М. Геллер, А. Некрич «Утопия у власти» [Геллер, Некрич], E. Annus “The conditions of Soviet colonialism” [Annus: 441–450] и др.). Это работы самой разной направленности — от изучения политических процессов до анализа бытовых практик; нас же интересует такая важная для формирования советского человека сфера, как школьное образование и, в частности, курс русской литературы в советской эстонской школе послевоенного времени.

Выходившие в ту пору школьные учебники отражали масштабные политические и общественные процессы в Эстонии, что делает их привлекательным объектом для анализа. В случае со школьным книгоизданием в странах, где образование находится под государственным контролем, справедливо говорить о фиксации в учебных книгах официальных политических и социальных установок. В СССР зависимость образовательной системы от государства стремилась к абсолютной, оно открыто и внимательно контролировало содержание и методы обучения, наполнение школьных курсов и пр. — в том числе в союзных республиках. Инструментами контроля являлись не только школьные программы и многочисленные пособия для учителей, но и ежегодно составлявшиеся лектурные списки, а также перечни книг, подлежащих изъятию.

Не менее важны были и периодические издания для учителей, в которых устраивались дискуссии на те или иные темы, где голоса несогласных терялись в шквале критики. Во многом, конечно, это объясняется своеобразием «дискуссий» в советской периодике — обмен мнениями часто был фиктивным и не влиял на конечные решения. Результаты обсуждений были

известны заранее, поскольку никакой публичной позиции, кроме официальной, существовать не могло. Подписка на специальные периодические издания для учителей была обязательной и регулировалась напрямую через директоров школ и, выше, через приказы Министерства образования¹, а обязательное знакомство с «дискуссиями» было частью «идейно-воспитательной работы», проводившейся с учителями. Оно держало их в тонусе и позволяло быть в курсе образовательной политики, своевременно знакомиться с изменениями в школьных курсах и методике преподавания. Статьи, ответные письма читателей и их обсуждение на страницах учительской периодики послевоенных лет имитировали демократический механизм, а на деле — транслировали официальные установки, которые впоследствии переносились через учителей в школьные классы.

Первое десятилетие советской власти было временем поиска и экспериментов в сфере образования, которые затронули и сферу учебного книгоиздания. Устойчивую систему советских учебников планировалось создать как можно скорее, но даже к началу 1940-х гг., т. е. ко времени присоединения Эстонии к СССР, она еще не существовала. После аннексии система образования в Эстонии была преобразована в соответствии с советским курсом, что означало полную перестройку, в том числе сферы разработки и издания учебной литературы, которая еще в течение почти десятилетия находилась в постоянном движении.

Планомерная советизация образования в Эстонии началась уже в 1940 г. Из Москвы поступали детальные распоряжения — от общих идеологических директив до правил уборки классных комнат и регламента оформления школьных помещений². Тогда же из Наркомпроса был спущен заказ на новые переводы советской и классической русской литературы на эстонский язык (см.: “Teoste nimestik keskkooli kirjandusõpetuse jaoks” [ERA.R-14.1.310: 124–125]). Этими переводами предполагалось заполнить учебники по русской литературе, составленные по новым программам. Проведение реформ было отложено из-за начала войны, но после ее окончания подготовка и издание учебников возобновились. Однако несмотря на острую необходимость в учебных книгах, еще в 1950-е их

¹ В Эстонском государственном архиве сохранилось соответствующее распоряжение от 21 сентября 1940 г., подписанное народным комиссаром образования Ниголем Андресеном, где он уведомляет, что отныне «все учителя школ советской Эстонии должны заказывать и читать новый журнал “Nõukogude kool” <здесь и далее перевод наш. — А. В.>» [ERA.R-14.1.48: 33].

² См. еще одно распоряжение Ниголя Андресена, где он дает рекомендации о размещении в школьных классах портретов «Маркса, Энгельса, Ленина, Сталина и других» и уходе за ними [Там же: 34].

не хватало, а в школах за ними стояли очереди³. Усугублялась ситуация и тем, что использовать один учебник несколько лет, передавая из класса в класс, было не всегда возможно, так как тексты при переизданиях нередко менялись.

Изменения в учебниках отражали смену по преимуществу идеологических, а не методических установок советской школы, особенно если сравнивать книги, разделенные как минимум десятилетием, хотя иногда такие перемены можно диагностировать и на более коротких дистанциях. Для иллюстрации этого тезиса мы сравним учебники по русской литературе для VIII класса, вышедшие последовательно в 1948 и 1949 гг.

Обычно издания одного учебника с годичным интервалом были стереотипными, отличия между ними сводились к мелким редакторским поправкам, а репертуар изучаемых авторов практически не менялся. Но в рассматриваемом случае произошла замена одного учебника другим, и отличия между ними разительны. Книга 1948 г. “Kirjanduslooline lugemik VIII–IX klassile: vene kirjandus” [Lugemik], написанная Б. Сёэтом и Ю. Вяйнасте, всего через год была заменена переводным учебником “Vene kirjandus VIII klassile” [VK] — он оказался первым в ряду переводных пособий, которые активно использовались вплоть до конца 1950-х гг. Интересно, что за один учебный год было решено перейти от учебника-хрестоматии к учебнику литературы, в котором практически отсутствуют художественные тексты.

Учебники Сёэта и Вяйнасте использовались недолго — с 1949 г. в эстонском школьном книгоиздании начинают преобладать переводные учебники по русской литературе. Тем не менее, первыми авторами учебников стали местные авторы, причем получившие профессиональную известность еще в независимой Эстонии. Бернард Сёэт был известным педагогом, Юхан Вяйнасте составил несколько учебников по эстонской грамматике и также был преподавателем — обучал эстонскому языку курсантов мореходного училища. В советское время Вяйнасте стал членом коммунистической партии и занимался переводами на русский язык, а Сёэт с 1947 г. начал научную карьеру в Институте языка и литературы.

Их общая книга, учебник-хрестоматия, вышедшая первым изданием в 1946 г. под заглавием “Kirjanduslooline lugemik keskkooli VIII klassile.

³ Райли Койт, учившаяся в то время в школе, так вспоминает ситуацию с учебными книгами: “Paar päeva enne 1. septembrit müüdi koolimajas õpikuid. Järjekord oli pikk, sest mitte alati ei jätkunud õpikuid kõigile <...> Kooliaasta lõpul jäid õpikud muidugi endale, hiljem sai neid ka edasi anda, kui polnud tekstis muutusi” [Mälestused: 291].

I osa — vene kirjandus», стала первым пособием по новому предмету в советской Эстонии и вошла в серию пособий для VIII–X классов средней школы. Как видно из названия, у хрестоматий из этой серии существовала и вторая часть, которая была посвящена эстонской литературе. Авторами этих пособий были Юлия Тедер, Линда Вихалем и Пауль Вийрес — каждый из них написал учебник для отдельного класса. Здесь мы видим меньшую однородность, поскольку все учебники этой серии по русской литературе, с VIII по X класс, писали только Сёэт и Вяйнасте.

Выбор авторов, очевидно, можно объяснить особыми условиями послевоенного времени. Установление режима на новых территориях требовало от властей СССР и времени, и усилий. Страна была разрушена, людские потери были огромны, однако наибольшие потери среди учителей принесла не война, а советская власть, которая уже в 1944 г., то есть одновременно с окончанием военных действий на территории Эстонии, начала массовую чистку учительских кадров. Согласно исследованию Э. Пильве, к 1948 г. из 4406 (см.: [Pilve]) учителей по разным причинам (гибель, эмиграция, ссылка и отлучение от профессии) выбыло более четверти.

Главными причинами «изгнания» из рядов педагогов были нелояльность и неблагонадежность — самого учителя или любого из членов его семьи. Тем не менее, новая система образования требовала участия людей со специальной подготовкой, опытом и, что важно, знанием местных условий. Советская власть балансировала между репрессиями в отношении местной интеллигенции и настоятельной потребностью в образованных служащих и специалистах — новое поколение учителей к 1944 г. успеть вырастить, конечно, не могло. Допуская к работе некоторых «неблагонадежных» специалистов, власти решали проблему с низким уровнем поддержки советского строя в Прибалтийских регионах — точнее, шли на уступки. Привлечение к работе педагогов из «бывших» Сёэта и Вяйнасте вполне может быть названо политическим выбором, так как ранее они историю русской литературы не преподавали.

Вернемся к их учебнику. Заглавия изданий 1946 и 1948 гг. разнятся («для VIII класса» и «для VIII–IX класса»), но речь идет о переиздании одного учебника. Содержание и сопроводительные тексты в учебниках очень сходны, отличий мы обнаружили несколько: в более позднем издании добавлены некоторые вопросы, в раздел о Радищеве включена глава из «Путешествия...» «Спаская Полесь», а пушкинское стихотворение «Узник» заменено посланием «К Чаадаеву». При этом книга 1948 г. больше на 64 страницы, в том числе за счет использования более крупного кегля

в отдельных фрагментах. Неизвестно, что именно предполагалось для изучения в IX классе — разделения материала по классам в самом учебнике нет.

Русская словесность в учебнике для VIII класса Сёэта и Вяйнасте начиналась с фольклора и былин. Значительное место было уделено литературе XVIII века, среди изучаемых авторов значатся Ломоносов, Фонвизин, Радищев. Литература начала XIX века была представлена Крыловым, Грибоедовым и др., а заканчивался учебник большой выборкой из А. С. Пушкина.

Учебник соответствовал тогдашней программе, однако композиция первого издания, 1946 года, расходилась с обычной композицией советских учебников — сопроводительные статьи и биографии писателей здесь размещались после художественных текстов. Этот нюанс был исправлен в следующем издании (1948 г.), и его можно было бы признать несущественным, если бы он не противоречил принятой в советское время методической схеме, согласно которой знакомство с автором, его биографией и эпохой обязательно должно было предшествовать изучению произведений.

Первое издание отличается от последующего еще и присутствием имен переводчиков художественных текстов. Это было нетипично, ни в одном из известных нам учебников по литературе, напечатанных в ЭССР, переводы не были атрибутированы. Здесь же мы видим, что подавляющее число переводов в учебнике принадлежало Яану Кярнеру и Аугусту Сангу, встречаются имена Якоба Тамма, Юсты (Аиты) Курфельда, Эдуарда Канса, Марта Рауда, Йоханесса Семпера, Бетти Альвер.

С переводами связан интересный сюжет. В обоих изданиях учебника есть перевод пушкинского стихотворения «Памятник», выполненный Я. Кярнером. Однако в издании 1946 г. это стихотворение имеет заголовок «Elegi monumentum», а в издании 1948 г. — «Mälestussammas». Возможно, использование пушкинского оригинального заглавия в учебнике 1946 г. являлось своеобразным оммажем А. Орасу от составителей. Орас был признанным переводчиком пушкинской лирики на эстонский язык, именно благодаря ему эстонская публика в конце 1930-х гг. получила стихотворный перевод пушкинского «Памятника», и именно под таким заглавием. Но в советской Эстонии Орас стал персоной нон-грата, его переводы, соответственно, тоже утратили «благонадежность», и потому можно предположить, что заглавие в книге 1948 г. было заменено, чтобы избежать упоминания эмигрировавшего переводчика⁴. Поскольку с изданием перво-

⁴ Впрочем, вероятно и более простое объяснение: латынь в советской школе не изучали, а значит, оригинальное заглавие и/или традицию горацианского «Elegi monumentum» в русской литературе нужно было специально толковать.

го послевоенного учебника нужно было торопиться, чтобы скорее возобновить учебную работу, эту деталь в 1945–46 гг. редакторы могли упустить (хотя Орас эмигрировал еще в 1943 г.) и исправить только в последующих изданиях. Тем не менее, в отсутствие документальных подтверждений предположение остается недоказанным.

Возвращаясь к расхождениям учебника Сёэта и Вяйнасте с советской школьной традицией, следует упомянуть основные различия в содержании и сопроводительных текстах. Для риторики советских учебников по литературе характерны типовые мотивные конструкции, некоторым из которых Сёэт и Вяйнасте следуют, другим же — нет. Например, авторы учебников обязательно писали о «столетиях жизни в тяжелых условиях, страданиях простого народа от царя, помещиков и капиталистов»⁵ [Lugemik: 7]. Для иллюстрации народных страданий при царизме в школьную программу специально отбирались (и впоследствии становились каноническими) тексты, которые можно было соответствующим образом интерпретировать, выдвигая «барский произвол» на первый план, — например, «Муму» Тургенева, «Дубровский» Пушкина и пр.

В этом плане книга Сёэта и Вяйнасте типична, хотя признаем, что таких характерных для советской риторики мест в ней немного. Так, советская современность упоминается в нем всего единожды — в занимающей одну страницу подглавке “Nõukogude temaatikaga böliinasid”/«Былины на советские темы», где кратко и без примеров рассказывается о Марфе Крюковой, которая сочинила более 150 «новых былин», среди прочих «великолепный “Сказ о Ленине”» (длиной более тысячи стихов) [Там же]. Такая сдержанность отличает книгу Сёэта и Вяйнасте от позднейших советских учебников по литературе в Эстонии. Согласно методическим рекомендациям апелляция к советской действительности была необходима, потому что именно она актуализировала события и деятелей прошлого, приближала их к детскому пониманию, создавала эмоциональную связь с ними. И если для того, чтобы вписать советскую реальность в сопроводительные тексты, например, о древнерусской литературе или в вопросы к оде Ломоносова, требовался определенный навык, которого у Сёэта и Вяйнасте, скорее всего, не было, все же есть более традиционные для корректировки части учебника. Показательной в этом плане является биография Пушкина, которая ни в одном более позднем советском эстонском учебнике не дава-

⁵ Ориг. текст: “Kuigi vene talupoeg on pidanud elama sajandeid raskeis tingimustest, kannatades tsaari, mõisnike ja kapitalistide rõhumise all”.

лась без описания в финале значимости поэта и его наследия для народов СССР. В учебнике Сёэта и Вяйнасте ничего подобного нет.

Авторы включили в текст учебника обязательные цитаты из Ленина, Горького и Маркса, но на 258 страниц их всего четыре (и две из них приходятся на главу о «советском фольклоре»), тогда как в более поздних учебниках практически в каждый сопроводительный текст вписываются цитаты или упоминания советских авторитетов. Так же мало и вопросов, уже самой формулировкой задающих направление ответа, таких как один из вопросов к «Недорослю»: “Milles on autori suhtumine pärisorjuse, arvestades komöödiast loodud rumaluse, julmuse ja eksploatatsiooni stseeni?”⁶ [Lugemik: 66].

Книга Сёэта и Вяйнасте использовалась в школе всего три года, что, как нам кажется, позволяет признать ее компромиссом первых послевоенных лет. Использование учебников, написанных в независимой Эстонии, было запрещено по идеологическим причинам, замена требовалась срочно, поэтому к написанию пусть не во всем «советского», но все-таки более подходящего учебника были допущены местные специалисты. Компромиссный учебник уже в 1949 г. был заменен новым, переводным. Авторами учебника, пришедшего на замену, были профессор Александр Зерчанинов, соавтор множества учебников по русской литературе⁷, и историк и музеевед Николай Порфиридов, который заведовал секцией древнерусского прикладного искусства в Государственном Русском музее⁸. Предположительно именно ему принадлежат части учебника, посвященные фольклору, былинам, частушкам, песням и прочему народному творчеству. Перевел книгу Зерчанинова и Порфиридова А. Саул. Переиздания учебника выходили как минимум до 1954 г. (именно этой датой обозначен самый поздний экземпляр в эстонских библиотеках).

Курс литературы в эстонской школе не предполагал чтения произведений на русском языке — эта задача была делегирована курсу литературного чтения — но ряд примеров из текстов в учебнике Зерчанинова и Порфиридова приводится в оригинале с параллельным эстонским переводом. И здесь возникает определенная сложность: как было сказано ранее, учебник 1949 г., в отличие от книги Сёэта и Вяйнасте, — не хрестоматия, т. е. в него не были включены тексты произведений, отдельные отрывки дава-

⁶ «Каково отношение автора к крепостничеству, учитывая показанные им в комедии сцены невежества, жестокости и эксплуатации?».

⁷ См., напр.: [Зерчанинов, Райхин, Стражев; Поспелов, Зерчанинов, Шаблювский] и др.

⁸ См., напр.: [Порфиридов 1928; Порфиридов 1947] и др.

лись лишь в качестве иллюстраций тех или иных положений о стиле, композиции, идее и пр. Нам не удалось установить, использовалось ли в дополнение к этому учебнику какое-то пособие для чтения. Скорее всего, школьники читали переводные книги, взятые в школьной библиотеке. Как известно, заказы на переводы русской литературы шли регулярно, тиражи были большими, и часть их предназначалась для школьных библиотек. Отказ от подготовки хрестоматий мог способствовать распространению вновь издаваемой в «правильных» переводах русской литературы, что отвечало советской культурной политике в Эстонии.

Возможно, что для этих целей издавался другой учебник. Например, в 1950 г. в Эстонии был издан перевод учебника Н. Л. Бродского и И. Н. Кубикова, но, хотя он и был хрестоматией, вряд ли его можно считать вспомогательным пособием к книге Зерчанинова и Порфиридова. Отметить его появление следует, скорее, потому, что с этих пособий начался период доминирования в советской Эстонии переводных учебников по русской литературе — с 1950 по 1956 г. ежегодно в параллельном обращении находилось как минимум два учебника.

Вернемся к учебнику Зерчанинова и Порфиридова, который заменил собой книгу Сёэта и Вяйнасте. Обе книги были предназначены для VIII класса, т. е. программный материал должен был совпадать, однако в переводном учебнике представлено больше авторов: к писателям XVIII в. добавились Державин и Карамзин, а литература первой половины XIX в. была представлена, помимо Пушкина, Крылова и Грибоедова, Жуковским и Рылеевым.

При значительном сходстве материала содержательное сравнение двух учебников, местных и русских авторов, затруднительно — они слишком разные. Переводная книга занимает 413 страниц и включает биографии авторов, экскурсы в политику и общественную жизнь изучаемой эпохи, в историю культуры и образования. Авторы рассказывали школьникам о толстых журналах, знакомили с полемикой «Арзамасского общества безвестных людей» и «Беседы любителей русского слова», с понятиями классицизма, прогрессивного и пассивного романтизма. Постоянно встречаются имена европейских литераторов и философов: Корнель, Расин, Мольер, Вольтер, Руссо, Дидро и проч. Ученики должны были узнать, что такое критика и теория литературы, в общих чертах познакомиться с философскими идеями, лежавшими в основе тех или иных литературных направлений, а перед началом новой темы они обязательно знакомились с используемой терминологией.

Сюжетно-композиционное сходство сопроводительных текстов в учебниках позволяет предположить, что у них был один источник. Мы пока не выяснили, ориентировались ли Зерчанинов и Порфиридов на свои ранние тексты или на методическую литературу, но Сёэт и Вяйнасте несомненно опирались на те же самые материалы. Поскольку первые издания книг (и местных, и русских авторов) вышли почти одновременно в 1946 г., скорее всего, в распоряжении обеих пар авторов были какие-то « типовые » материалы, возможно, что с уже готовыми формулировками.

Проиллюстрировать генетическую связь двух учебников можно примерами из сопроводительных текстов в разделе о Пушкине, в частности, из главы «Значение Пушкина для русской литературы»:

Зерчанинов А. А., Порфиридов Н. Г. Русская литература (1946 г.)	Sõöt, B.; Väinaste, J. Kirjanduslooline lugemik VIII–IX klassile: vene kirjandus (1948. a.)	Zertšaniinov, A.; Porfiridov, N. Vene kirjandus VIII klassile (1949. a.)
Пушкин является гениальным создателем русской народной национальной литературы. Он создал литературу оригинальную, самобытную, чисто русскую по духу и содержанию <Здесь и далее выделено нами. — А. В.> [Литература: 408].	Puškin on vene rahvusliku kirjanduse looja. Ta lõi algu- ja omapärase puht-vene kirjanduse, nii sisult kui ka vaimult [Lugemik: 174].	Puškin on geniaalne vene rahvusliku rahva- kirjanduse looja. Ta lõi originaalse, omapärase, sisult ja vaimult puht-vene kirjanduse [VK: 409].
Пушкин создал замечательный литературный русский язык. Об этом прекрасно сказали Гоголь и Тургенев, сами великие мастера русского художественного слова [Литература: 409].	Puškin on loonud vene kirjanduskeelee. <...> Seda teenet on tunnustanud sellised vene kirjanduse sõnameistrid kui Gogol ja Turgenev [Lugemik: 174].	Puškin lõi tähelepanuväärse vene kirjakeele. Sellest rääkisid suurepäraselt vene suured stiilimeistrid Gogol ja Turgenev [VK: 409].

Как видно, различия заключаются в деталях перевода и, что более важно, — в тоне формулировок. Русские авторы вводят в статью о Пушкине многочисленные эпитеты: «гениальный», «выразительный», «крупнейший», «великий», «значительный» и др., подчеркивают, что он *народный* поэт. Все это характерно для «идеологически правильного» нарратива

советского учебника, который требует пафоса. Сёэт и Вяйнасте, опираясь на тот же источник, напротив, эпитетов избегают.

Книга Зерчанинова и Порфиридова, таким образом, имела более выраженную идеологическую окраску, в их тексте не было места неопределенности или вопросам, все формулировки и упоминания давались в готовом виде. Регулярно встречаются имена Ленина, Сталина и Маркса, а также Горького и Белинского как литературных законодателей (см.: [VK: 4–6, 7, 9–11, 24]). Отдельная глава учебника посвящена словесному народному творчеству в СССР, вновь с упоминанием Марфы Крюковой, на этот раз с примерами. Советским песням, сказкам и творчеству «братских народов» посвящены отдельные параграфы, рассказано о Сулеймане Стальском и Джамбуле Джабаеве, есть и обязательные портреты изучаемых авторов. Наконец, в последней главе о «мировом значении» Пушкина есть обязательное упоминание о роли творчества поэта, где авторы пишут:

On teada, et “Jevgeni Onegin” oli see raamat, mille järgi Marx ja Engels õppisid vene keelt. Tsitaate Puškinist, eriti “Jevgeni Onegini” esimise peatüki VII stroofist leidub mitmel puhul Marxi ja Engelsi kirjades ja vihikutes⁹ [Там же: 411]¹⁰.

«Идейная выдержанность» учебника Зерчанинова и Порфиридова, видимо, является главной причиной его появления в эстонской школе, поскольку изначально он был предназначен не для национальной средней школы, а для первого класса педагогического училища. Его объем и содержание определенно были не по силам эстонским восьмиклассникам, его было заведомо невозможно пройти за год школьной работы, однако, кажется, появление его в Эстонии не казус и не случайность, а дань времени.

Как и в случае с Сёэтом и Вяйнасте, замена одного учебника другим была предопределена не столько особенностями самой книги, сколько политической ситуацией. Если в 1945–1948 гг. советская власть шла на некоторые уступки в прибалтийском регионе, то к 1949 гг. время компромиссов прошло — обстановка как внутри ЭССР, так и в Кремле коренным образом изменилась.

В партийных верхах Эстонии начался конфликт между группировками «старых политзаключенных» и партийной интеллигенцией, с одной сто-

⁹ «Известно, что «Евгений Онегин» был той книгой, по которой Маркс и Энгельс учили русский язык. Цитаты из Пушкина, особенно VII строфы первой главы «Евгения Онегина», находят в ряде их писем и тетрадей».

¹⁰ Ср. это же место в книге Зерчанинова и Порфиридова 1946 г.: «Известно, что “Евгений Онегин” был книгой, по которой изучали русский язык Маркс и Энгельс. Цитаты из Пушкина, в частности, из VII строфы I главы “Евгения Онегина”, — не раз встречаются в письмах и тетрадях Маркса и Энгельса» [Литература: 411].

роны, и «эмигрантами» — с другой. Тогда же Кремль развернул так называемое «эстонское дело» — самую масштабную чистку региональной партийной элиты за весь послевоенный период. На этом фоне становится понятна замена книги местных авторов, хотя бы минимально, но приспособленной к местным нуждам, учебником переводным и не предназначенным ни для школы, ни для инокультурной аудитории — главным аргументом в пользу учебника Зерчанинова и Порфиридова, очевидно, явилось то, что авторы не являлись местными уроженцами.

Можно предположить, что эстонский перевод их книги предназначался не для школьников, а для учителей. Как мы уже упомянули, в Эстонии конца 1940-х гг. вследствие военных потерь, эмиграции и массовых чисток осталось мало старых квалифицированных учителей, к тому же новая власть требовала от них не просто лояльности, но идеологического соответствия. Чтобы вырастить и обучить новых педагогов, требовалось время, а преподавать литературу в школе нужно было уже сейчас, поэтому учителями русского языка и литературы становились люди, не имевшие серьезных педагогических навыков. Главными требованиями к новым учителям были знание русского языка, лояльность и благонадежность. В такой ситуации педагоги, преподававшие по учебнику для педучилищ, могли повышать собственную квалификацию, а в отборе материала для школьников опираться на действующие программы и тем самым избежать перегрузки.

На перегруженность учеников указывает, например, решение разделить довольно компактный (сравнительно с пособием Зерчанинова и Порфиридова) учебник Сёэта и Вяйнасте во втором издании на две части, вышедшие под новыми заглавиями как учебники для VIII и IX классов. С учебником Зерчанинова и Порфиридова ничего подобного не случилось, при том, что он был больше местного в два раза, а с учетом того, что художественных текстов в нем нет, реальный объем вырос в пять раз (79 страниц авторского текста в эстонском учебнике против 413 страниц, за вычетом немногочисленных цитат, в переводном).

К сожалению, мы не можем сказать точно, сколько часов отводилось на этот предмет в 1949 г. В середине 1950-х курс русской литературы в VIII классе занимал всего 30 часов, и вряд ли в 1949 г. это число было значительно больше. Основная учебная нагрузка в VIII классе приходилась на уроки русского языка и литературного чтения — 165 часов в 1948/49 уч. г. Даже если не учитывать сложность историко-литературных тем, с которыми восьмиклассники в таком объеме, как в учебнике Зерчанинова и Порфиридова, знакомились впервые, объем материала совершенно не соответствовал количеству часов, отведенных на уроки русской литературы.

Очевидно, именно сложностью и неуместностью этой книги в школе объясняется скорое появление нового учебника по русской литературе — переведенного на эстонский учебника Н. Л. Бродского и И. Н. Кубикова [Brodski, Kubikov]. Он был написан именно для школы, пусть изначально и русской. Книга Бродского и Кубикова была хрестоматией, а значит, больше соответствовала нуждам учеников. Еще одной причиной для замены можно признать изменения в школьной программе, согласно которой первая половина XIX века теперь заканчивалась не Пушкиным, а Лермонтовым. Тем не менее, «Русская литература для VIII класса» Зерчанинова и Порфиридова переиздавалась в Эстонии как минимум до 1954 г.

Таким образом, слишком объемный и сложный для национальной школы учебник Зерчанинова и Порфиридова, хотя и продержался пять лет, долго существовать в качестве основного в эстонской школе не мог. Причины, по которым всего три года продержался учебник местных авторов, были, как мы думаем, преимущественно политическими.

Государственный план снабдить национальные школы книгами, которые будут написаны национальными авторами, появился еще до войны как следствие закрепленного конституцией 1936 г. равного права народов на образование. Согласно решениям Наркомпроса, а впоследствии Министерства просвещения РСФСР, в национальных республиках должны были разрабатываться учебники с учетом местных особенностей. В Эстонии конца 1940-х годов такой возможности не было. Вследствие военных потерь, эмиграции и массовых чисток в республике почти не осталось квалифицированных педагогов, а новая власть требовала не просто лояльности, но полного идеологического соответствия — таким образом, доверить составление учебника было практически некому. И если подходящий автор учебников по русской литературе для V–VII классов нашелся достаточно скоро (им стал А. Сельмет, см.: [Веселко]), то поиски подобных авторов учебников для старших классов затянулись. Сёэт и Вяйнасте были привлечены, видимо, за неимением других кандидатов, поскольку оба уже имели опыт составления учебных пособий в независимой Эстонии. Но как только политические обстоятельства изменились (был осужден «местный протекционизм» в руководстве ЭССР), для их учебника была найдена более надежная — в идейном отношении — замена.

Можно ли, таким образом, определить причину, по которой один учебник заменил другой? Нам кажется, что однозначного ответа на этот вопрос мы пока не нашли. Однако разобранный исторический эпизод указывает, что конец 1940-х и начало 1950-х гг. для эстонской советской школы были временем поиска «правильных» учебников и самого метода создания

в полной мере «советских» учебных книг. Лишь к концу 1950-х гг. она получила стабильные учебники по литературе, которые оставались неизменными несколько десятилетий.

Литература

ERA.R-14.1.48: Eesti riigiarhiiv. ENSV Haridusministeerium. Määrused, otsused, eelnõude kavad, põhimäärused — Kooliosakonna määrused, otsused, ringkirjad, juhendid, korraldamised ja seletused, 1940.

ERA.R-14.1.310: Eesti riigiarhiiv. ENSV Haridusministeerium. Õppekavad, koolide ja lasteasutuste nimekirjad — Keskkoolide õppeainete õppekavad, 1940–1941.

Веселко: *Веселко А.* Кто писал советские учебники по литературе (биография учителя из Эстонии) // Русская филология. Сборник научных работ молодых филологов. Тарту, 2015. Т. 26.

Зерчанинов, Райхин, Стражев: *Зерчанинов А., Райхин Д., Стражев В.* Русская литература. Учебник для IX класса средней школы. М., 1940.

Геллер: *Геллер М.* Машина и винтики: история формирования советского человека. М., 1994.

Геллер, Некрич: *Геллер М., Некрич А.* Утопия у власти. М., 2000.

Литература: *Зерчанинов А., Порфиридов Н.* Русская литература. Учебник для 1 класса педагогических училищ. М., 1946.

Порфиридов 1928: *Порфиридов Н.* Новые открытия в области памятников древней живописи в Новгороде (1918–1928). Новгород, 1928.

Порфиридов 1947: *Порфиридов Н.* Древний Новгород. Очерки из истории русской культуры XI–XV вв. М.; Л., 1947.

Поспелов, Зерчанинов, Шаблювский: *Поспелов Н., Зерчанинов А., Шаблювский П.* Русская литература. Учебник для VIII класса средней школы. М., 1944. Изд. 4-е.

Annus: *Annus, E.* The conditions of Soviet colonialism // *Interlitteraria*. Tartu, 2011. № 16/2.

Brodski, Kubikov: *Brodski, N.; Kubikov, I.* Vene kirjandus: lugemik VIII. Tallinn, 1950.

Lugemik: *Sööt, B.; Väinaste, J.* Kirjanduslooline lugemik VIII–IX klassile: vene kirjandus. Tallinn, 1948.

Mälestused: *Nõukogude kool ja õpilane. Meie mälestused.* Tallinn, 2006.

Pilve: *Pilve, E.* Ideoloogiline kasvatus nõukogude koolitunnis hilisstalinistlikus Eesti NSVs // *Tuna. Ajalookultuuri ajakiri*. Tallinn, 2010. Nr 4.

VK: *Zertšaninov, A.; Porfiridov, N.* Vene kirjandus VIII klassile. Tallinn, 1949.